

Отчет об участии в проверке условий труда и быта осужденных ИК-14 (с учетом письма осужденной Н.Толоконниковой)

Поездка в Потьму с целью проверки деятельности исправительных колоний, расположенных в данном районе, насколько я понял, была запланирована раньше, но ее сроки были несколько сдвинуты в связи с публикацией письма одной из осужденных, отбывающей наказание в ИК-14 Надежды Толоконниковой.

Потьма - поселок городского типа. С недавних пор там появилось новое здание вокзала. В радиусе 50 км от поселка в лесах расположено около полутора десятков исправительных учреждений, в том числе ИК-18 (строгого режима), а также ИК-13, ИК-2 и ИК-14, в проверке которой я принимал участие.

От вокзала до колонии примерно 46 километров: транспорт нам был предоставлен Мордовским управлением ФСИН. Мы расположились в гостинице-общежитии ближайшего к колониям населенного пункта – поселка Явас.

Утром 25 сентября после завтрака (9.00) мы в сопровождении сотрудников ФСИН направились из поселка Явас в ИК-14. В самой колонии мы, таким образом, были примерно в 10.15. Далее наша группа из четырех человек разделилась на минигруппы: каждая из них занялась работой по своему плану и усмотрению. Заранее мы об этом не договаривались – это вышло само собой, поскольку у каждого реально был какой-то индивидуальный план.

Мне представлялось важным получить наиболее полное представление о трех крупных проблемах, затронутых в письме Толоконниковой. Первое – о трудовых отношениях осужденных, условиях труда, продолжительности рабочего дня, выходных и зарплатах. Второе – о случаях незаконного принуждения, угрозах и применении насилия. Третье – о социально-бытовых условиях жизни осужденных.

Нужно было выбрать определенную тактику, связанную с выбором источников информации. Понятно, что это была одна из наиболее сложных задач – получить правдивую информацию от лиц, находящихся в крайне зависимом и уязвимом положении. Бессмысленное гуляние по территории колонии в сопровождении представителей администрации, выступающих в роли экскурсоводов по самым красивым местам и радушных хозяев – самый легкий способ потерять время. Его нам было отпущено, в сущности, немного. Как выяснилось – с 11.00 до 18.00.

Понятно, что я должен был просить представителя ФСИН оставить меня наедине с осужденной, для того чтобы исключить хотя бы видимый контроль за беседой. Но это условие, конечно, не решало всех проблем. Я попросил пригласить кого-то из осужденных, которым предстояло освободиться в ближайшие дни, надеясь на то, что они будут чувствовать

себя относительно свободнее в высказываниях. Кроме того я рассчитывал еще на то, что каждая из собеседниц сможет давать мне рекомендации относительно того, с кем еще можно поговорить наиболее откровенно. Первое предположение оказалось не слишком продуктивным, второе более или менее оправдало себя.

Я надеялся взять как можно больше интервью в первую половину дня, рассчитывая во вторую побывать в цехах производственной зоны и в бараках каждого из отрядов.

Беседы проходили в кабинете заместителя начальника колонии Куприянова Ю.В. Не самое лучшее место, но тут уж без вариантов. На время моих встреч с осужденными Куприянов выходил в другую комнату, что, кажется, не снимало напряжения. По-моему, он мог слышать разговор.

Первой интервьюируемой оказалась **Баландина Регина**, 10-й отряд, которая должна была выйти на свободу 27 сентября, в пятницу. Она была осуждена по ст.105 ч.1 УК. (Больше, кстати, я уже не интересовался вопросом о статье осужденных – этот вопрос их, мягко говоря, не настраивал на откровенную беседу). Баландина практически не ответила толком ни на один вопрос, не считая односложных реплик «все хорошо», «всем довольна», «никаких сверхурочных» и т.д. Когда я спросил ее прямо, может ли она отвечать откровенно, она еле заметно покачала головой, указав глазами на стену. Тем не менее, я узнал, что хорошо бы поговорить с **Натальей Таракиной**, находящейся в настоящее время в помещении СУС (строгие условия содержания) – камере, близкой по условиям к штрафному изолятору (о разнице я специально не осведомлялся). Таракина, 37 лет, довольно симпатичная, но сильно поседевшая женщина, оказалась одной из наиболее смелых собеседниц. Она не только довольно детально охарактеризовала ситуацию с условиями труда (о регулярных сверхурочных и переработках на 4-5 часов), но рассказала о многих других деталях. Например, о давлении на молодых швей, об избиениях и различных формах унижения.

Вот краткий эпизод беседы.

Наталья Таракина об «обучении» молодых швей

<http://yadi.sk/d/wT7m-SosA2vVv>

Она также рассказала о двух случаях суицида осужденных, измученных издевательствами администрации и насилием со стороны других осужденных, выполняющих волю администрации. В конце 2011 года покончила с собой ее знакомая Чапурина Татьяна (которую избивали регулярно), в мае 2012 года - ее близкая подруга Альфия Сухова. Оба случая произошли в ИК-2. Нужно сказать, что все мои собеседницы, говоря об условиях труда, имели в виду все колонии, но обращаясь к конкретным случаям избиений, откровенного садизма и суицидов, приводили примеры из жизни других колоний – но не ИК-14.

Сама Таракина подвергалась жестоким избиениям со стороны директора ИК-2 Рыжова, а также других представителей администрации колонии – Кимяева и Поршева. Рыжов стал, между прочим, начальником

ИК-2. Таракина направляла жалобы в различные инстанции: в итоге провела за последние годы в общей сложности 9 месяцев в ШИЗО.

Она предлагала также проверить эти факты по ее личной карточке, в которой помимо этих сроков указаны и приобретенные ею заболевания – хронический панкреатит, гастрит и неоднократные пневмонии.

Наталья Таракина – одна из двух осужденных (не считая Толоконниковой), согласившихся дать свои показания под камеру. Общий ее эмоциональный настрой – холодное отчаяние и ненависть к тем, кто принес ей страдания. 12 ноября она должна выйти на свободу, но просила, по возможности, проконтролировать сам факт того, что она останется живой и будет в этот день освобождена.

Следующая собеседница – **Ульяна Балашова**, тоже содержащаяся в СУСе. Перед началом встречи она написала мне две записки, содержание которых воспроизвожу здесь. Первая записка: «Меня сегодня вызвали и предупредили, если хоть одно слово про ИК-14 упакуют в ШИЗО».

Из второй записки: «Комиссии расскажу все, если дадут гарантию, что меня тут не убьют!!! И я не сгнию в ШИЗО.»

«Комиссию» мог олицетворять один я, но она, действительно, была очень откровенной – будто хотела выговориться и давно этого ждала. При этом, можно было заметить, что именно об ИК-14 она старалась не говорить плохого, но стремилась к обобщениям, особенно говоря об условиях труда.

Ульяна Балашова

<http://yadi.sk/d/PUXY5GwA4Jsk>

<http://yadi.sk/d/4GEnGIgfA4KVx>

Большую часть времени она провела в ИК-13, о которой у нее остались самые мрачные воспоминания. В ИК-14 она была переведена, поскольку в этой колонии есть специальные закрытые помещения, пригодны для СУС. Она, в частности, показала, что существует официальный график, предусматривающий 6-дневную рабочую неделю и 7-часовой рабочий день, однако, каждый день бригадиры подают негласные заявки на удлинение рабочего дня для выполнения «базового» задания, т.е. определенного количества изделий. По ее словам «базы несусветные». До ее помещения в СУС осужденные работали с 7 утра до 11 вечера. Работницы полностью зависят от бригадиров (тоже осужденных, но приближенных к администрации), которые могут ставить любой процент выработки в зависимости от неформальных отношений с работницей. Она также указала на то, что администрация произвольно издает приказы о рабочих воскресеньях, лишая осужденных выходных. Она пыталась жаловаться на это, и в результате находится в СУСе. Обычно начальники производства подают заявление начальнику колонии на «вывод осужденных в выходной день на промзону с учетом производственной необходимости». На основании этих заявлений начальник колонии издает приказ, в котором говорится о «добровольном» выходе в выходной и о компенсации его отгулом (форма неукоснительно соблюдается), но в реальности нет ни

добровольности, ни отгулов. Тех, кто отказывается работать в выходные всячески «прессуют», загружают тяжелой хозяйственной работой, унижают.

В отличие от многих других осужденных Балашова пыталась жаловаться, направляя письма в прокуратуру. Ей приходили отписки, которые она мне и продемонстрировала.

Балашова рассказала об ужасных бытовых условиях в ИК-13. В частности, осужденные женщины не могли пользоваться туалетами, расположенными в зданиях (бараках) отрядов. По большой нужде они вынуждены были отправляться в общий туалет посреди зоны, в который, впрочем, можно было выбраться, только если набиралась группа страждущих не менее 10 человек. Их должен был сопровождать представитель администрации. Формально это объяснялось плачевным состоянием канализации в отрядных бараках и нежеланием администрации ухудшать санитарную ситуацию в отрядах. Примерно об этом же писала Толоконникова, но применительно к ИК-14. Впрочем, об ИК-14 разговор особый.

Балашова подробно рассказала об одном случае избиения ее представителем администрации (что, вообще, следует признать несчастным явлением – подобные задания исполняют обычно специально настроенные женщины из числа осужденных). Ее избивал (за «внеплановое» посещение туалета) охранник по имени Волков, ныне уволившийся из ИК-13. Могу допустить, что подобные садисты периодически меняют место работы – на всякий случай.

Интервью с Балашовой

[P1080033.MOV](#)

Балашова рекомендовала мне поговорить с Еленой Сорокиной и Ксенией Иващенко. Сорокина имела неосторожность однажды дружески общаться с Толоконниковой, с которой они обсуждали какие-то детали уголовного законодательства. После чего Сорокину перевели в 3-й отряд, славящийся (мягко говоря) суровыми нравами.

Елена Сорокина, женщина лет 50, выглядела подавленной и вялой. Было похоже, что она перенесла травму лица: у нее был сильно поврежден нос – практически сбит на бок. Она очень своеобразно отреагировала на вопрос о том, приходилось ли ей работать более 8 часов, и правда ли написана в письме Толоконниковой. Она сказала, что работать больше 8 часов ей удобно, и что она видит в этом для себя экономический смысл. Она также сказала, что качество пищи ее вполне устраивает. Когда я попросил ее рассказать немного подробнее о сверхурочных, она после паузы заплакала. Я пытался ее утешить, но было ясно, что более никакого разговора ни получится. Когда она выходила из кабинета, Куприянов уже ждал в коридоре – будто знал, что мы сейчас выйдем.

В сущности, я не мог его ни в чем упрекнуть: он вызывал всех осужденных, которых я называл, он выходил из кабинета, оставляя нас наедине, он и далее выполнял все мои просьбы. И все же было ощущение напряжения. В конце-концов, я могу приписать это моей собственной мнительности.

Ксения Иващенко оказалась самой молодой из всех моих собеседниц. Но она в первые же минуты дала понять, что говорить что-либо вслух не сможет: показала глазами на стены. Я предложил ей лист бумаги с ручкой и продолжил задавать вопросы – в основном связанные с главными темами проверки. На вопрос о превышении 8-часового рабочего дня Иващенко ответила «Да», на вопрос о реальной продолжительности рабочего дня – «Да», когда я назвал цифру 14-16 часов. Когда я сменил тему и спросил, правда ли в ИК-14 в конце 2012 года была забита до смерти молодая осужденная Елена Оглу, моя собеседница написала «Да» и потом дописала несколько деталей, связанных с этой трагедией (Елена была в 3-м отряде, а умерла уже санчасти). Иващенко порекомендовала мне также поговорить с **Еленой Хромовой** из 3-го отряда, которая после многократных избиений была недавно госпитализирована, и могла бы рассказать, что из себя представляет 3-й отряд. Главную роль в нем, по словам, Иващенко, играет некая Людмила Княгинина, готовая выполнить любое «боевое» задание администрации. Она, а также Альбина Спирченко (Спирчина?) и представляют главную угрозу для таких упрямых как Толоконникова.

Ксения Иващенко

<http://yadi.sk/d/G5wJmDhAA5FMi>

Потом, когда я, ссылаясь на письмо Толоконниковой, попросил рассказать подробнее о зарплате она написала: «На Надю оказывалось давление со стороны администрации. Заработная плата примерно 500 до 1000 р. Когда приезжает комиссия проводится инструктаж с заключенными. Высчитывают с зарплат иски (такие как алименты) только у этих людей вообще детей нет».

От Иващенко я узнал, что упомянутую в письме Толоконниковой женщину, у которой после наказания холодом были ампутированы нога и два пальца на руке, можно найти во втором отряде – отряде пенсионеров и инвалидов.

Я попросил Куприянова проводить меня во 2-й отряд. Я не знал фамилию этой женщины, и почему-то не хотел уточнять ее у Куприянова. Оказавшись в отряде, я стал спрашивать у осужденных (в основном, пожилых женщин) о случае, описанном Толоконниковой. Они (косясь на Куприянова) предположили, что это, вероятно, **Наталья Туркова**. Я нашел ее сидящей на постели с костылями. Она выглядела подавленной и апатичной, но разрешила себя фотографировать. Когда я спросил о причинах ампутации ноги, она сказала «закупорка сосудов». Когда я показал на культю двух пальцев, она промолчала. Я спросил ее, так же как и в случае с

Баландиной, может ли она говорить откровенно (Куприянов стоял за дверью). Туркова едва слышно ответила: «когда выйду».

<http://yadi.sk/d/zjJk3UA8kuA>

<http://yadi.sk/d/IPFixMx7A8m35>

Примерно в это время до меня дозвонился вездесущий Борис Клин из ИТАР-ТАСС, и я, действительно сказал ему несколько фраз, из которых он выделил, как я понял, две – о том, что выводы Толоконниковой, в основном, подтверждаются, и что «волосы у меня тут иногда встают дыбом». Признаю – скорее всего, это была эмоциональная реакция на разговор с Турковой.

Далее я прошел в промзону и в главном цехе беседовал с начальником производства Матягиной. Мне дали возможность осмотреть швейные машины (осужденные называют их «моторы»), образцы продукции. Машины были очень старыми, но большая часть из них работала (позже от начальника колонии я узнал, что поскольку машины очень просты в обращении и все еще функционируют, менять их нет необходимости).

Я попробовал расспросить осужденных, находящихся в цехе об их зарплате. В общем, это было довольно бессмысленное занятие – за мною по пятам ходила атлетического сложения девушка с кавказской внешностью, которая меряла взглядом всех моих собеседниц. Они как роботы отвечали – 1000, 1200, 1300, 1000... Размеры зарплат, впрочем, соответствовали той цифре, на которую, в качестве максимальной указывала Иващенко. Просто нужно вспомнить, что это зарплата за тяжелый труд без выходных и с безразмерными сверхурочными. И далеко не всем среди этих тружениц нужно возмещать кому-то причиненный вред, согласно гражданскому иску.

Забавно, что никто из опрашиваемых мною в цехе не пытался отрицать факта сверхурочных – но все ограничивались фразами «ну, когда срочное задание и не успеваем», «когда нужно выполнить норму». Но тут же оговаривались – «но это добровольно». Мне раз десять сказали, что самим осужденным это выгодно.

Я пытался изучать Журнал сменных заданий, который мне после короткого замешательства все же предоставили. На странице, которую я сфотографировал, можно найти норму дневного задания – 110 полицейских костюмов в день. В реальности, мне трудно было судить о том, какое количество времени может потребоваться смене для выполнения нормы. На самом деле, для изучения документов времени было все же недостаточно.

Само помещение цеха было довольно просторным, а его освещение несколько тусклым – по крайней мере, для работы с иглами на швейных машинах.

Около 16 часов я попросил меня накормить обедом из общей столовой, и после распоряжения Куприянова получил обед из супа и второго. Конечно, я не мог быть уверен, что это было меню осужденных; скорее всего, нет. Суп (кажется, перловый) мне понравился, а традиционный мордовский «еж» с рисом отличался весьма символическим содержанием мяса. Впрочем, можно допустить, что офицеры данной колонии – вегетарианцы.

Все это время – до обеда и во время – Куприянов настойчиво звал меня принять участие в некоем «круглом столе», который должен был начаться в Явасе и мог иметь большое методическое значение. Я поблагодарил и отказался.

Потом я попросил показать мне помещения штрафного изолятора. Куприянов сообщил мне, что в данный момент никого в изоляторе нет: никто не наказан. Однако именно там находится «безопасное место», в котором пребывает Толоконникова. Беседа с ней заняла около 20 минут. В основном я интересовался тем, не хочет ли она что-то добавить к фактам, изложенным в ее известном письме. Толоконникова выглядела бледной, но довольно бодрой. В ходе разговора она затронула две конкретные темы: о смерти в конце 2012 года осужденной Никитиной, которую, несмотря на плохое состояние здоровья, заставили поднимать бревна; и об условиях санитарии в ИК-14. Условия ее содержания были близки к обычным условиям содержания в ШИЗО: она не имела права, в частности, садиться и ложиться на постель в течении дня. Температура воздуха в камере была нормальной, было тепло, поскольку незадолго до моего прихода в камере был установлен электрокамин.

Ниже приводятся фрагменты из ее интервью. К сожалению, у меня дважды по ходу записи садился аккумулятор фотоаппарата.

<http://yadi.sk/d/fmFQzZJgA2qzy>

<http://yadi.sk/d/jAllGUrIA7Nt4>

От здания штрафного изолятора я вернулся к зданиям отрядов, отметив, что белье осужденных сушится прямо на воздухе, под дождем. Куприянов пояснил, что сушилок в каждом здании не предусмотрено. Есть центральная сушильная камера, которой должны пользоваться осужденные из всех отрядов.

При этом, как я понял, осужденные все равно вынуждены стирать и как-то сушить свои вещи в пределах отрядов: для того, чтобы они могли развешивать белье на просушку, возле зданий даже выделены периметры из колючки. На фотографии это видно.

<http://yadi.sk/d/CwRQ4PRgA5JV2>

Около 17 часов я попросил Куприянова пригласить для беседы **Елену Хромову**, о которой мне рассказала Иващенко. Мне было интересно узнать что-то дополнительное о 3-м «пресс-отряде». Как раз в это время мы встретились с Еленой Масюк, и смогли посмотреть на Хромову вдвоем. Это было грустное зрелище. Перед нами был совершенно подавленный и сломленный человек. Она с некоторым напряжением смогла признать, что в отряде ей угрожали, но «не били». После этой бесполезной беседы Куприянов мягко порекомендовал нам учесть, что некоторые осужденные фактически являются психически больными людьми, состоящими на соответствующем учете, например, Хромова.

Елена Масюк позже рассказала мне о своих впечатлениях о встрече с Княгининой из 3-го отряда, дамой выдающихся атлетических качеств.

В самом конце рабочего дня нас пригласил к себе начальник ИК-14 **А.В.Кулагин**. Он был, как и можно было ожидать, весьма радушен и приветлив. И слегка удивился, узнав, что среди моих впечатлений есть и отрицательные. Он предложил свое видение ситуации, в котором главным был экономический аспект. Он с определенной гордостью пояснил, что колонии удалось заключить несколько договоров с достаточно серьезными партнерами, которые принимают продукцию, изготавливаемую на швейном производстве ИК-14. (Я могу предположить, что экономический смысл заключался и в ее крайне низкой себестоимости). За счет швейного производства колонии удалось решить ряд хозяйственных проблем, на покрытие которых никаких средств из федерального бюджета не хватило бы. Например, поставить новые пластиковые окна в бараках отрядов и установить новую сантехнику. На новые швейные машины, вопреки мнению некоторых осужденных (не только Толоконниковой), средства из бюджета не выделялись. Машины работают вполне нормально, менять их нет смысла. При этом начальник колонии выразил уверенность, что большая часть осужденных заинтересована в этой работе и имеет возможность даже высылать определенные деньги домой («пусть тысячу, пусть пятьсот, но все же что-то...»). Я сказал, что ничего не имею против швейного производства в колонии, но был бы вполне доволен, если бы рабочий день ограничивался восьмью часами, и если бы в колонии были выходные. Начальник колонии откровенно сказал, что **каждый месяц два воскресенья, а в конце квартала - три** объявляются рабочими его приказом. Это обусловлено чисто экономическими причинами: иначе колония может не выполнить обязательств перед партнерами. Никакого стремления к эксплуатации – просто бизнес. Эти сведения не сильно отличались от того, что было в письме Толоконниковой и в других показаниях (указывалось, что три воскресенья каждый месяц – рабочие).

Я рассказал также о случаях избиений осужденных представителями администрации, которые мне стали известны. Это вызвало недоверие, и помощник начальника Управления ФСИН (по правам человека), достав блокнот, потребовал от меня не быть голословным и тут же сообщить фамилии этих людей. Я охотно сообщил ему фамилии: Кимяев, Рыжов и Поршин, сообщив, что на этих людей уже официально жаловалась избитая ими (самым изощренным образом) осужденная Таракина, которая получила формальные отписки. Помощник, услышав фамилии, спрятал свой блокнот и больше вопросов не задавал.

Потом начальник колонии повел меня и Елену Масюк в здания нескольких отрядов, чтобы продемонстрировать недавно поставленную сантехнику. Между прочим, мы могли побывать в различных комнатах этих зданий. Кое-где стоят телевизоры, которые не работают. Мне пояснили, что телевизоры вообще на территории колонии не работают – по неким

техническим причинам. Далее мы могли осмотреть санузел. Действительно, мы увидели ряды новеньких унитазов и, что особенно важно, кабинки с закрывающимися дверьми. Я насчитал 10-12 кабинок. Некоторые унитазы работали вполне исправно – вода спускалась. На каждую большую ванную комнату приходилось одно биде. При этом Кулагин и Куприянов подтвердили, что мыть голову осужденным в этих ваннных комнатах в помещении отрядов – запрещено. Это противоречит неким санитарным нормам. Душ в каждой такой комнате был один (на сто человек): можно было сделать вывод, что принимать душ и осуществлять личную гигиену осужденные должны все же в другом месте. Согласно письму Толоконниковой для этого есть «общая гигиена» посреди лагеря – по ее словам, достаточно тесное помещение. Осмотреть его мы не успели, что конечно, считаю упущением. Но руководители колонии в данном случае делали акцент на другом: они показывали, что справлять нужду (любую) осужденные могут теперь в зданиях отрядов. Большой общий туалет (представлявший удобства в виде отверстий в полу) в этой связи, по их словам, был теперь закрыт. Осматривать его (чтобы убедиться, что он закрыт) мне не то чтобы запретили, но настоятельно не рекомендовали. Показали издалека.

Даже если ремонт свелся к сооружению унитазов и туалетных кабин (при условии их функционирования) – это большой шаг вперед. То есть ИК-14 в этом плане уже отличается от ИК-13 (с учетом показаний У.Балашовой).

Туалетной экскурсией наши проверочные мероприятия в колонии, в сущности, завершились. Руководители колонии дали нам понять, что сотрудникам учреждения пора домой, и нам с Масюк тоже.

Выводы и рекомендации.

Сначала выводы.

Данные о сверхурочных, превышающих 4 и 6 часов подтверждаются показаниями нескольких осужденных. Допускаю, что этого не достаточно. Но данные из журнала сменных заданий, насколько, я мог судить, не отражают динамики сверхурочных. Из него нельзя понять, за какое время выполнена определенная норма. Согласие на выполнение сверхурочных работ, насколько я мог понять, обычно дается в устной форме.

Данные о трех рабочих воскресеньях в месяц подтверждаются показаниями осужденных и администрацией колонии. Формально каждое рабочее воскресенье оформляется приказом начальника колонии. В случае необходимости можно изучить приказы за последние месяцы.

Данные о смерти в конце 2012 года в медсанчасти 6-го отряда ИК-14 осужденной Елены Оглу подтверждаются показаниями заместителя начальника колонии Куприянова Ю.В., а также показаниями осужденных. Последние утверждают, что Оглу умерла в результате систематических

избиений в 3-м отряде. Куприянов указал, что Оглу была носителем ВИЧ и умерла в результате инсульта.

Данные о том, что одна из осужденных ИК-14 (Туркова Н.А.) перенесла ампутацию ноги и двух пальцев на правой руке подтверждаются. Выше имеются ее фотографии. Из ее показаний неясно, были ли эти ампутации результатом наказания и обморожения. Некоторые осужденные показали, что Туркова была наказана оставлением за пределами помещения отряда (в пределах локального участка) в зимнее время.

Данные о том, что осужденные не имеют возможности обеспечивать личную гигиену в пределах помещений отрядов и вынуждены посещать для этого общую гигиену в центре колонии в плохо приспособленном помещении, подтверждаются частично. В ряде зданий отрядов ИК-14 (6-й отряд, 1-й отряд и др.) установлено по одному биде и одному душевому месту на отряд. Установлены также новые туалетные кабинки (10-12 штук).

Данные о средствах, выделенных из бюджета на обновление парка швейных машин, опровергаются представителями администрации колонии, которые полагают, что парк вообще не нуждается в обновлении. Машины (класса 1022) выполняют очень простые операции, которых достаточно для обеспечения поступающих заказов.

Рекомендации. Ограничусь пока двумя пунктами.

1. Главный вывод из сказанного выше связан с проблемой трудовых отношений в колонии №14. Никто из руководства колонии не отрицал, что труд на швейном производстве рассматривается как обязательный, т.е. принудительный. Невыход на работу рассматривается как серьезное нарушение, которое наказывается помещением в штрафной изолятор. Просьбы о замене работы на швейном производстве другим видом деятельности (а равно ссылка на невозможность работать по медицинским показаниям) рассматривается как необоснованное требование привилегированного положения. То есть норма статьи 37 Конституции РФ о запрете принудительного труда совершенно открыто игнорируется. Ссылка на нее вызывает насмешку. Фактически в данных учреждениях явочным порядком введен рабский труд (запрещенный Уголовным кодексом).

Можно допустить, что само по себе швейное производство в условиях колонии позволяет получать некоторые дополнительные финансовые средства, а также занимать осужденных. Для тех из них, кто видит смысл в получении хотя бы небольшой зарплаты, такую опцию можно рассматривать как благо. Поэтому у меня, разумеется, нет возражений против организации в ИК-14 и других соседних колониях швейного производства как такового.

Но на территориях этих учреждений должно фактически действовать трудовое законодательство. Утратив свободу, лица, находящиеся в них, не лишаются предусмотренных законом трудовых прав. Впрочем, эти общие благие рассуждения вряд ли тут имеют какой-то смысл.

В этой связи предлагаю Совету обратиться к министру юстиции Российской Федерации с рекомендацией принять нормативный акт, полностью запрещающий в учреждениях ФСИН сверхурочные работы и замену выходных дней (воскресений) рабочими. Нужно четко представлять себе, что швейные производства, организованные в колониях, это все же не промышленные предприятия (в полном смысле слова), главной целью которых является погоня за прибылью. У них также уже нет государственного плана, характерного для системы ГУЛАГ, фактически действовавшей до конца 1980-х годов. И уж, конечно, эти производства не должны фактически становиться частным бизнесом руководства колоний – бизнесом, прибыльность которого обеспечивается рабским трудом.

Они могут помогать решить колонии решать некоторые частные хозяйственные задачи, благодаря труду части осужденных, согласившихся работать на условиях, которые не противоречат трудовому законодательству. И все.

2. Несмотря на ряд поступивших в мой адрес жалоб на угрозы, избиения и издевательства со стороны администрации колоний (ИК-2 и ИК-13), имевшие место в течении 2011 – 2012 гг., я должен признать, что доказательства, достаточных для возбуждения уголовных дел в отношении конкретных лиц в данный момент нет. **В то же время, прошу Совет обратиться в Следственный комитет с просьбой о проверке обстоятельств, приведших к ампутации ноги и двух пальцев у осужденной Турковой Е.А.,** и рассмотреть возможность возбуждения уголовного дела при наличии для этого оснований. Из полученных мною сведений следует, что к Турковой было применено администрацией колонии наказание в виде оставления ее на территории локального участка перед зданием отряда в зимних условиях. В результате у Турковой были отморожены два пальца на руке, а также произошло обострение имевшегося у нее заболевания облитерирующего эндартериита. В течении последующих дней ей была ампутирована нога и два отмороженных пальца на правой руке. Безусловно, эта информация нуждается в более тщательной проверке.

Полагаю также целесообразным проведения совещания членов Совета об итогах поездки в Потьму с учетом полученной информации и наличия определенных расхождений во мнениях.